

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дима Сандманн

МАНИПУЛЯТОР

*роман в ста главах
и трех частях*

Дима Сандманн
Манипулятор. Глава 035

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27109220

SelfPub; 2022

Аннотация

"Манипулятор" – книга о стремлениях, мечтах, желаниях, поиске себя в жизни.

Содержит нецензурную брань.

Дима Сандманн

Манипулятор. Глава 035

ГЛАВА 35

– Все, поезд тронулся, прикиньте! – сказал я в среду 26 апреля, едва зашел в офис.

Сергей оторвался от газеты, Вера – от монитора. Оба вопросительно уставились на меня. Я плюхнулся в кресло у двери и пояснил:

– Вчера деньги относил в квартиру, все! Подорожание! На десять процентов сразу!

– И как же ты теперь будешь платить? – озадачилась Вера.

– Да у него два процента всего! – напомнил Сергей, вздохнул и свернул газету.

– А, ну да! – махнула рукой и улыбнулась Вера. – Я и забыла!

Сергей смотрел на меня чуть растерянным взглядом, моргал и о чем-то думал.

– Ты ж, вроде, еще в тот раз последние деньги отнес... или нет? – произнес он.

– Да, сбережения кончились! Всё! Это я уже с зарплаты скопил! – признался я.

– И сколько ж ты отнес? – шмыгнул носом напарник.

– Да! – отмахнулся я. – Крохи! Всего два метра выкупил,

двадцать восемь пятьсот!

Сергей задумчиво глядел на меня секунду, повернул резко голову в сторону жены, сказал: «Прикинь, Верок!! Вот Роман гуляет, тусит по разным клубам, с бабами какими-то встречается и умудряется еще с зарплаты деньги на квартиру откладывать!! А нам еле-еле на семью на месяц хватает!

– Сереж, ну че ты хочешь! Произнесла та. – Он один, у него расходы только на себя, а у тебя двое детей! Был бы и ты один, так же бы хватало и тебе этих денег за глаза! Так же бы откладывал и ты...

– Да эт понятное дело! – кивнул Сергей и зажевал нижнюю губу, глянул на меня. – Это ж ты за сколько времени собрал эти деньги?

– Да за сколько... – развел руками я. – Вот! Как в феврале подписал договор, так и начал собирать... Март – апрель, ну, и с февральских денег тоже что-то осталось...

Сергей вновь сделал паузу, словно что-то сверяя в голове.

– За два месяца собрал на два метра!? Мы по семнадцать получаем, а ты по четырнадцать откладываешь что ли!? – сделал удивленное лицо он.

– Ну, не за два... а за три... Да я не считал, Серый, ну, были деньги, я и отнес! Я ж щас на себя почти не трачу ничего! С Вовкой мы не тусим, ну, гуляем с Наташкой, да и то там я и не трачусь особенно... Не то, что с Лилей! Тридцатка за месяц – фууух!! И нету!

– Наташа какая-то уже... – закатила, улыбаясь, глаза вверх

Вера. – Мы не успеваем следить за твоими подружками, Ром! То Лиля, то Наташа...

– Лилия – это все! Это прошлое! – заулыбался я. – Шас Наташа!

– А че вы с Вовкой-то перестали тусить!?! – сказал Сергей. – Поругались что ли!?!

– Да не, какой поругались! Все! Остепенился он! Лера беременна, летом свадьба!

Сергей хотел было что-то сказать, но тут в дверь постучали. Вошел Петя и забил всем мозги потоком вопросов – Что у нас сегодня? Куда еду? А эти там, да, на складе?

Сергей раздраженно сунул тому накладные, произнес: «Давай, Петь, едь» и начал наклонившись ковыряться в своем сандалиии, будто водителя и нет рядом. Тот потоптался у двери, глянул на меня, на Веру, произнес скомкано «А, ну, я поехал» и вышел.

Весь апрель работа кипела. Каждый день мы под завязку затаривали дихлофосами клиентов. Мы понимали простое правило – чем больше те закажут дихлофосов у нас, тем меньше возьмут у конкурентов. К концу месяца из десяти тонн мы раскидали половину.

– Неплохо так, да, Ромыч!?! – сказал удивленно Сергей, озирая 28 апреля склад.

– Как раз, Серый! – кивнул я. – Сейчас за май первую половину прожуют, в конце мая-начале июня раздадим осталь-

ное, и в середине июня можно уже снова заказывать...

– Думаешь? – посмотрел на меня тот внимательно.

– Да вот посмотришь! – сказал я, сам не осознавая источника своей уверенности.

Сергей промолчал, и вскоре мы покинули склад и побрели в офис.

– Че будешь делать на праздники? – сощурился от солнца напарник.

– Не знаю... Отдыхать... с Наташкой погуляем, может с Вовкой увидимся... А ты?

– Да я на дачу поеду! – выдохнул почти горестно Сергей. – Детей туда вывезу на все праздники, штангу отвезу... Я ж штангу купил!

– Да ладно!??? – удивился я. – Я думал ты так, пошутил!

– Да не, надо заниматься! А то я спорт что-то совсем подбросил, хорошо, хоть ты меня взбодрил! А то, когда никто рядом не занимается спортом, а у меня все знакомы типа Мелёхи – им лишь бы побухать да поплясать в каком-нибудь кабаке! С таким окружением и самому не до спорта. А так начну заниматься. Надо будет мне еще и грушу себе купить, повесить тоже на даче, вспомнить молодость, потренировать ударчик...

– А че тебе окружение то? – удивился я. – Хочешь заниматься, бери и занимайся!

– Да не скажи, Роман... Окружение влияет! – парировал Сергей.

– Ну, влияет, но не до такой же степени. Тебя ж никто не заставляет с ними бухать! Это твой личный выбор! Вон, Сеня – решил не бухать больше, и не бухает...

– Да это потому, что мы этого Холодова выгнали! А Сенька, он за место держится...

– Да я не думаю, что Сеня перестал пить только потому, что боится, – произнес я,

желая видеть в решении кладовщика побудительным мотивом не только страх, но и нечто более осознанное – внутренний выбор. – Потому, что сам так решил. Окружение не так уж влияет на выбор человека, если тот реально что-то решил...

– Роман, да у тебя просто нет такого окружения! – начал было раздражаться Сергей.

Обострять и спорить не хотелось, погода стояла слишком хорошая для такого дела. И я лишь примирительно вернулся к началу разговора, произнес: «Груша – хорошее дело! У нас в зале висит, тоже ее иногда стучу перед тренировкой, чтоб разогреться».

Мы лениво брели к офису, всеми мыслями уже находясь на отдыхе. Впереди было четыре выходных дня, после еще четыре, а потом – жаркое лето. Мое ощущение близости первых действительно хороших заработков усилилось. Подогреваемые азартом денег и на глазах растущими объемами фирмы, я и Сергей быстро двигались в манящее неизвестное.

Снова позвонил Вовка и наорал с утра мне в ухо:

– Рамзес, блять, мы тут с Лерой гуляем в центре! Лера тебя видеть желает! Заебала меня с утра! Уже два часа ноет – где Рома, где Рома!?! Давай, приезжай, погуляем вместе!

Вовка был простой как кирпич – квадратный, цепляющий углами своего поведения и шуток всех подряд, совершенно этого не замечающий и абсолютно счастливый.

– Ща приеду, дай пожрать и приеду! – расплывшись в улыбке, ответил я.

– Давай, блять, жри там быстрее! Мы тебя ждем! Да-да... от Леры привет! Да! Лезет прям в трубку! Ага... на... поцелуй Рому... ага... прям в десны и через трубку! – в телефоне раздалась возня, хихиканье и вновь сопение Вовки. – Да, Рамзес, ну ты понял – лезет прям в трубку целоваться она! Ага... щас! Так что давай, приезжай быстрее...

Через полчаса я увидел беременную Леру. Та тут же смутилась и залилась краской.

– Вот! Молодцы! – сказал я. – Можете же, когда хотите!

– Мы-то можем, а ты вот когда, а!?! Уже пора обоим становиться папами, сколько можно шляться по этим ссаным кабакам!?! – счастливый, почти кричал Вовка, указывая на живот Леры. – Вот смысл жизни, ёпть!

– Кто будет, знаете уже? – посмотрел я на Леру.

– Мальчик вроде, – сказала она.

– Да! Сказали, пацан будет! – рывкнул Вовка.

– Имя-то придумали? – посмотрел я на обоих.

– Да нет, пока не думали... – виновато глянула на меня Лера. – Может... Андрей...

– Андрей, ну... нормально... – буркнул Вовка. – Андрей Владимирович будет...

– Или Саша...? – вопросительно отчего-то посмотрела на меня Лера.

– Александр Владимирович... ну, тоже ниче так... – сказал Вовка.

– Или Рома? – все смотрела на меня Лера.

– Рома... Рома... а че!? – встрепенулся Вовка. – Рамзес, а!? Назовем сына Ромкой!

– Да я-то че!? – смущаясь, удивился я, ощущая себя пертым к стенке.

– Блять, точно, Рамзес!! Назовем сына в честь тебя! Будет Ромкой! Как тебе, Лер!?

– Мне нравится... – произнесла та, пожала плечами, глянула на меня.

– А я-то че!? – хохотнул я. – Мне приятно, конечно, будет! Как-то неожиданно...

Мы шли по самому центру города. Проспект был заполнен, движение автомобилей перекрыто, люди густо шли по проезжей части в обе стороны. В солнечном тепле воздуха витало праздничное настроение. Мы прошли весь проспект и половину обратно, посидели в уличном кафе, вышли вновь на проспект, и тут зазвонил мой мобильный. Номер был не из списка контактов, но я его узнал.

– Привет, Рома, это Лиля! – раздался в ухе еле слышимый голос.

– Привет, Лиль, как жизнь? – произнес я спокойно, но сердце зачастило, накачав в долю секунды мою кровь адреналином. Я интуитивно понял, что момент финала истории с Лилей настал. Я должен был решить ее, как решают задачу. Раз и навсегда.

– Узнал меня? Приятно... – промурлыкала Лиля.

– Да, узнал... Ты здесь, в городе?

– Да, приехала на праздники к родителям, взяла отгул в госпитале, – пропела Лиля.

– А, ну молодец, – кивнул я и ощутил, как улегся внутренний тремор. К успокоению примешались злость и цинизм. И тут мои руки и ноги вдруг отекали усталостью, слабость и пустота разрослись в моем теле, будто кто-то невидимый в секунды общения забрал мои силы. Захотелось прервать разговор. Я глянул на Вовку. Тот скалился и корчил рожицы и знаки. Лера улыбалась и прислушивалась к диалогу.

– Помнишь, я тебе обещала покатать тебя на машине, когда куплю? – сказала Лиля.

– А, ну да, помню... Ты купила машину что ли?

– Да, купила. Я на ней и приехала из Москвы... – произнесла Лиля и умолкла.

– Ааа... ну, молодец, поздравляю! Машина – это хорошо!

– Спасибо... – сделала вторую попытку перекинуть мне нити разговора Лиля.

Я молчал.

– Если хочешь, можем в три встретиться в центре, пока-
таю тебя на машине...

– Да, давай в центре в три, мне удобно.

– Хорошо, тогда встретимся у... – Лиля назвала место. –
Я буду на сером «матизе».

Мы распрощались, я сунул телефон в карман и посмотрел
на скалящегося Вовку.

– Ну че там твоя Лиля!? – произнес он. – Машину купила,
хочет тебя покатать!?

– Да, надо же найти дурака, кто будет ей гулянки оплачи-
вать, вот и позвонила!

– Да ладно, может она просто увидеть тебя хочет, соску-
чилась? – заступилась Лера.

– Ага, соскучилась она... по бесплатному веселью! – кив-
нул я.

– Рамзес – крепкий орешек! Его так просто не раскушишь!
Ты поняла, Лер!?

– Да я поняла, ага... бедная девушка... – ответила та Во-
вке с иронией.

– Ага, бедная! – кивнул я. – Пару месяцев с ней и ты сам
бедный!

Вовка сдавленно засмеялся.

– Ладно, пойду... на свидание с Лилей! – произнес я и
простился с парочкой.

С предвкушением финала подзатянувшегося дешевого
флирта, выродившегося из ненаписанного романа под на-

званием «Девушка Лиля, которая могла стать матерью моих детей, а оказалась обычной сукой», я направился к месту встречи.

Я увидел ее через дорогу. «Матиз» стоял у обочины, а Лиля – рядом на газоне. Она была в свободном с поясом синем платье ниже колен. Лиля заметила меня, махнула рукой и улыбнулась. Я перешел дорогу, мы поздоровались. Адреналин вновь подскочил, потому, не желая выдать волнения, я старался не смотреть на Лилю. Я реагировал болезненно, как пациент, которого ранее препарировали без наркоза; который все же выжил и при встрече с доктором начинал паниковать без ясной причины. И желание размозжить голову этому доктору просто зашкаливало.

– Хорошая машинка! – сказал я, сев в салон автомобиля вслед за Лилей и упорно делая вид, что разглядываю обшивку салона. – Уютная... маленькая такая...

Машина была дерьмо. Дешевый пластик, минимум деталей, плохая шумоизоляция.

– Пристегнись, – скомандовала Лиля, накидывая на себя ремень.

Я пристегнулся, «матиз» завелся и поехал. Подвеска оказалась жесткой, через стук колес я чувствовал задницей каждую неровность асфальта. Еще этот звук мотора, не как у больших машин, а резкий, мотоциклетный... Мы стали вяло перекидываться туманными общими фразами в стиле «как ты, а как ты?», пока Лиля вновь не «взяла быка за рога»

и спросила в лоб: «Куда поедем?»

– Не знаю, – пожал я плечами, хотя с большим удовольствием ответил бы «мне все равно», и добавил. – Лишь бы не по центру кружить, тут слишком шумно...

– Можно за город поехать, в парк... – сказала Лиля, неуверенно ведя машину.

– Да, там классно... – вспомнил я день, когда в том загородном парке моя футболка жертвенно пошла на изготовление факела, и добавил. – Поехали... погуляем там...

– Мне надо сигареты купить, а то кончились... – заявила Лиля, высмотрела магазин, остановилась, выудила из сумочки пятьдесят рублей, протянула их мне. – Сходишь?

– Да, давай, – сказал я, хорошо понимая, что значит это ее «сходишь?»

Такие как Лиля, сами за сигаретами не ходят, посылают других. А у тех возникает выбор – идти за сигаретами или отказаться. Если пошел, то будешь ходить этим «Лилиам» за сигаретами всю жизнь. Если отказался – расставание неминуемо. Оно страшит тех, кто сидит на крючке влюбленности. Я на нем уже не сидел. У меня был другой резон идти.

Вскоре я вернулся с пачкой сигарет. Лиля, ожидаемо, была довольна. Для нее я был тем же Ромой, «бегающим за сигаретами» с первой встречи и продолжавший это делать.

Через двадцать минут мы были на месте. К вечеру в парке почти обезлюдело.

– Теперь с этой машиной, я думаю совсем о других ве-

цах, – сказала с досадой Лиля. – Раньше я бы за десять тысяч купила себе сапоги, а пришлось купить летнюю резину.

Я ее понимал. К нужной, по ее мнению, статусной покупке добавились и хлопоты.

– Зато теперь парни знакомятся в пробках, представляешь! – глянула на меня Лиля, ступая аккуратно на каблуках по песку и стараясь не набрать его в обувь.

– Представляю, – кивнул я, ухмыльнулся.

– Даже на заправках знакомятся! – добавила она.

«Что ж ты такая дура!?» – подумал я.

Идя рядом с Лилей, я понимал, что управляет мною внутренний игрок. А им двигал вопрос – какими методами Лилия будет вновь лепить из меня послушного болвана на время ее очередного отдыха? Мы вышли на асфальт дорожки и направились по ней в лес. На нас сразу пахнуло лесной прохладой. Лиля поежилась и обхватила себя руками. Я снял куртку и накинул ей на плечи. Лиля одарила меня признательным взглядом и дежурной улыбкой. Именно признательным, не благодарным. Благодарят равных, признательность достается слугам. Я ухмыльнулся. Углубляясь в лес, мы обсуждали всякое, но я ждал главного.

– Знаешь, я думала о наших отношениях... – приступила Лиля. – Мы в прошлый раз немного повздорили... Я думаю, в отношениях всякое бывает, вот и у нас с тобой бывают трудные моменты... Но мне нравится, что мы все-же их преодолеваем и ценим отношения.

Лиля вешала мне лапшу, опустив голову вниз, идя размерено, глядя на свои шаги, и моментами откидывая назад рукой свои длинные густые черные волосы.

– Ну да... – буркнул я.

– И сегодня, вот, мы встретились и общаемся нормально... Я уже даже заскучала по нашим встречам... – Лиля снова откинула прядь и бросила на меня анализирующий взгляд.

Я шел, смотря так же, как она себе под ноги и засунув руки в карманы джинсов.

– Мы так хорошо всегда проводим время вдвоем... – сказала Лиля, приблизилась и взяла меня под руку, чуть прижавшись к ней грудью и заглянув в мои глаза снизу вверх.

«Проводили», – уточнил я мысленно.

– Мы могли бы сегодня вечером выбрать тихое кафе и побыть вдвоем...

– Ну да, – буркнул я.

Лиля выпустила мою руку, вернулась на прежнюю дистанцию, запахнула куртку.

– Только ты иногда ведешь себя как-то неуступчиво... Ты бываешь груб со мной... Это осложняет наши отношения. Я думаю, тебе не стоит так вести себя... Будь мягче, и ты увидишь, наши отношения станут намного лучше. Я не понимаю этой грубости, выпадов каких-то... Меня они задевают и оскорбляют... Я бы не хотела такое слышать в будущем... – продолжала обрабатывать мое сознание Лиля.

«Да, с тобой расслабься, без трусов останешься», – подумал я, ухмыльнулся, глянул на девушку. Та тоже, в течение монолога поглядывала на меня изучающе, словно доктор – воспринимает ли пациент терапию или отторгает? Признаков отторжения я не проявлял, продолжая брести рядом податливым овощем. Мне стало скучно, я подлил масла в огонь.

– Ну, почему это я грубый? – посмотрел я удивленно на Лилю. – Я просто отвечаю на твою грубость... ты же мне грубила и хамила, я веду себя так же...

Та ухмыльнулась, фраза достигла цели.

«Выкручивайся», – мысленно подбодрил я Лилю.

– Ты парень, я девушка. Мне свойственны, в конце концов, какие-то эмоции. Ты же должен это понимать и воспринимать мягче, быть неуступчивым это неправильно... У нас могут быть прекрасные отношения, если мы не будем придираться к таким мелочам...

«Такие же прекрасные, как у твоего забитого подкаблучника папы и мегеры мамы», – подумал я, ухмыльнулся, произнес: «Ну... наверное...»

Пройдя дальнюю точку большого круга, мы стали возвращаться. Лиля все крутила пластинку про то, что я должен. Список звучал туманно. Я, как мужчина, должен был все. Она же, как женщина, просто должна быть. И в этом и заключалось мое мужское счастье. Я же, болван, никак не мог проникнуться ее словами и вкусить столько сочный ядови-

тый плод отношений с Лилей. Убеждая меня, она моментами теряла терпение. Тогда из Лили прорывалась копия мамыши, которую та усилием прятала обратно и натужно улыбалась. Меня топорно обрабатывали, пытались нагнуть, что называется, под себя. Я виделся Лиле строптивым необъезженным жеребцом, который побрыкается, да и встанет под седло.

– Что мы сегодня вечером будем делать? – сказала она, едва мы подошли к машине.

– Не знаю. Можем сейчас доехать до какой-нибудь кафешки и попить кофе, – пожав плечами, произнес я и, едва мы сели в «матиз» добавил. – А я купил все-таки квартиру!

– Купил квартиру!?! – внутри Лили словно включилось важное, ее глаза загорелись и посмотрели на меня по-другому. Я буквально ощутил, как подскочили мои котировки.

– Да. Через полтора года дом сдадут. – сказал я, осознанно не смотря на Лилю.

Мы поехали обратно в город.

– Однушку купил!?! – задала напрашивавшийся вопрос Лилия.

– Не... – сказал я как можно обыденнее, – двушку...

– Двушку!?! – посмотрела Лилия на меня, замолчала, задумалась, спустя минуту добавила. – А почему не захотел в Подмосковьё купить?

– Да мне сейчас там и нет смысла покупать... Может быть, позже и куплю...

Мы доехали почти до того места, где встретились. Лилия

повторила вопрос о вечере.

– Слушай, Лиль, что-то есть захотелось! Давай, тут останемся, покушаем, попьем кофе! – указал я на двухэтажное здание кафе, и «матиз» тут же припарковался у него.

Мы поднялись. На втором этаже было уютно, интерьер в стиле деревенской хаты.

– Яишницу, пожалуйста, чай и... ты что будешь? – посмотрел я на Лилю.

– Чай зеленый... мне без сахара! – встrepенулась та и поправила волосы.

Я и вправду проголодался на свежем воздухе и, когда принесли заказ, накинулся на яичницу. Лиля с мелькнувшей на лице растерянной улыбкой взяла чашку с чаем и сделала глоток. Я уставился на девушку намеренно отстраненным взглядом, будто видел впервые. Напротив меня сидела сама кротость. Кто бы подумал, что внутри нее живет расчетливая холодная интриганка. Лилю выдавали глаза.

– Чем мы сегодня вечером займемся? – все так же кротко настаивала Лиля.

– Не знаю, я пока как-то даже не думал, – буркнул я с наполовину набитым ртом. – Надо хотя бы домой сначала попасть, переодеться...

– А я машину ставлю, там, у брата на стоянке тоже в твоём районе! – сказала Лиля. – Я могу тебя довезти! Ты пока переоденешься, я как раз поставлю машину, и уже вместе поедem куда-нибудь!?

– Ну, можно... – буркнул я, допивая чай.

Мы покинули кафе, сели в машину и поехали в мой район. Из-за неопытности Лиля вела «матиз» напряженно и молча. Я с разговорами тоже не лез к ней.

– Где тебе остановить? – произнесла Лиля.

– Вот там... прямо на остановке, – указал я рукой вперед.

Лиля включила поворотник, сбавила скорость и остановилась, где я сказал.

– Спасибо, Лиль! – произнес я не смотря на девушку, вышел из машины, захлопнул дверь и, не оборачиваясь, пошел домой.

За спиной взвизгнул «матиз», нервно тронулся, задрезжал мотором и укатил. Я ухмыльнулся и ощутил, как взлетело настроение. Захотелось шумного веселья. Поужинав дома, я поехал в клуб. Пробыв там с час и добавив к душевной эйфории два стакана виски с колой, я вышел на улицу. В голове было много мыслей, хотелось привести их в порядок, прийти в себя. Я перешел дорогу к кинотеатру и побрел через парк.

Думалось о Лиле, о том, что общение с ней изменило меня. Я чувствовал, что стал другим. В понимании себя произошел важный системный сдвиг – основы моей личности, переместились на верные места, на те, на каких и должны были находиться изначально. Я туманно осознавал, что мое воспитание изначально установило их в ложные положения, и я, наконец, нащупал выход из этого тупика привитых ро-

дителями установок. Я осознал – с курением для меня покончено. Мысли об отказе от алкоголя тоже замаячили впереди. Еще один маяк – спорт. Мое сознание закрепило в себе эти маяки и приняло решение идти на них. Прежний образ жизни еще цеплялся за меня своими крюками – старыми привычками. На каждом таком крюке будто висело по тяжеленному бетонному блоку. Но я осознанно и методично, натужившись, вынимал по одному крюки из себя, и следующие шаги давались уже легче. Я осознавал, что крюков еще много и лишь освободившись от них всех, я смогу пойти легко и куда захочу и ощутить полноту жизни. Продрогнув, я застегнул куртку под горло и протопал еще много, прежде чем ноги устали, и я поймал такси.

Утром третьего мая я зашел в офис, когда Сергей уже сидел с газетой за столом.

– Ого, ты уже тут!?! – удивился я, зная, что на часах без десяти девять.

– Да я быстро доехал! – пожал мою руку Сергей. – Я же с дачи ехал, думал, машин много будет, а дорога совсем пустая была! Я доехал за пятнадцать минут!

– А че, Веры нет!?! – удивленно посмотрел я на не включенный компьютер.

– Не, ее не будет! – шмыгнул носом Сергей, глянул на меня, перевернул страницу газеты. – У Лёньки температура поднялась, я Веру с ним оставил!

– Ну... – занял я кресло у двери. – В принципе, накладные мы и сами пробьем...

– Ну... я вот так же и подумал! – развел руками Сергей, навис на локтях над газетой.

– Надо будет щас обзвонить клиентов и набить товар сразу на весь день, – сказал я.

– Ну щас... – Сергей глянул на экран телефона. – После девяти начнем звонить. И почту можно глянуть, «Форт» остатки всегда бросает до девяти.

Он произнес это не отрываясь от газеты. Я тоже не пошевелился, сказал шутливым тоном: «Ну, раз Веры нет... Тогда ты за нее сегодня! Переползай на ее место, а я на твое...»

Сергей посмотрел на меня, вздохнул, едва заметно улыбнулся, свернул газету и перебрался на пустовавшее кресло Веры. Я пересел на его место.

– Компьютер сейчас включать или пока можно подождать? – выдал он с иронией, которую я уловил без труда.

– Да как хочешь, как включишь, так и начнем работать, – пожал плечами я.

– Где тут эта кнопка? – засопел тяжело Сергей, перегнувшись вниз через свой живот, потянулся под стол рукой. Раздался щелчок и компьютер ожил.

– А как тут интернет включается? – произнес Сергей, шаря растерянным взглядом по монитору. Рука его едва касалась мышки, накрыв ее сверху, пальцы при этом дрожали. Прошел почти год совместной работы, но Сергей не сдви-

нулся в познаниях компьютера.

Он и не стремился. Ведь была Вера – бойкая жена, которая все делала по первой команде.

Я ответил Сергею, показал.

– Аха, понял... аха, все, понял... – сказал тот и кликнул мышкой дважды. С первого раза не вышло. Кликнул снова. Получилось. Модем затрещал, интернет подключился.

– А где тут почта? – задал Сергей следующий вопрос.

Я набрался терпения – ответил, показал.

– А как распечатать? – раздался спустя несколько минут новый вопрос.

Я рассказал.

Принтер засвистел и выкатил вместо трех листов шесть.

– Ого! А как это!?! – вертя в руках, вытаращился на листы, Сергей.

– Поля надо выставить... – сказал я, выдохнул, подавляя возникшую нервозность, встал с кресла и сделал сам, как надо. Сергей следил за моими действиями растерянными глазами, сказал в конце лишь: «Аха, понятно...»

Ничего ему было не понятно.

С торговой программой дела пошли быстрее. Напарник сопел, туго думал и тыкал трясущимися пальцами в клавиатуру, но дело сделал, накладная создалась.

– Давай, Роман, на! – Сергей протянул мне только что полученные по электронной почте остатки нашего товара в «Форте». – Диктуй, а я буду выбивать товар!

За следующие полчаса мы все сделали – выбили накладные в три оптовые базы.

– Петя приехал, – глянул в окно Сергей, подписывая накладные и ставя печати.

– Сереж, ну, че там!!? – гаркнул водитель, ввалившись в офис и вращая глазами.

– Ну, во-первых, привет, Петь... – нравоучительно произнес Сергей и подал руку.

– Ах, да! Привет, Сереж! – дернулся тот и затряс в рукопожатии руку напарника и мою следом. – Привет, Ром! Со всем из головы вылетело с этой дорогой, пробки везде!

– А, во-вторых, вот накладные на оба рейса... – протянул Сергей бумаги водителю.

– Аха! – суетливо схватил бумаги Петя и снова вытаращился. – А Сенька тут!?

– Не знаю, Петь, посмотри сам! – с легким раздражением ответил Сергей.

– Сереж, че, накладные готовы!?! – в дверь всунулась голова Сени.

– А, вот и Сенька!! – обрадовался Петя. – А мы тебя ищем!

– А чего меня искать!?! – распахнул дверь кладовщик. – Я тут вот, рядом!

– Сень, Петь!!?? – рывкнул Сергей, восстановил тишину и после паузы добавил. – Едьте на склад! Грузите товар! Там обсудите, кто тут, а кто еще где!

Петя засуетился, поспешил на выход, стал пихать кладов-

щика животом за дверь.

– Все, все, уходим, Сереж, уходим! – запрыгал в проходе Сеня, разворачиваясь, остановился, обернулся и уже через порог сказал мне. – Ром, там твой отец приехал!

– Где – там, Сень!?? – удивился я.

– Там, у склада! На своей «газели»! – крикнул Сеня уже снаружи из-за двери, не видя меня через дверь и не решаясь войти в комнату повторно. – Только он без тента!

– В смысле – без тента!?? – произнес я и глянул удивленно на Сергея. Тот, взялся руками за голову и, демонстрируя бессилие и усталость, уперся локтями в стол.

– Ну мы пошли! – раздалось из коридора, и работники ушли.

В офисе стало тихо.

– Давай, чаю что ли попьем, Ромыч, а то я не ел с утра ничего! – оживился Сергей.

– А че ты не ел-то? – удивился я, и нажал на кнопку чайника.

– Да дети спали вместе с Верой, не хотелось их будить! – сказал Сергей и откинулся назад в кресле. – Еще Ванёк приперся, там и так места мало...

– Че за Ванёк!? – удивился я.

– Да Веркин брат! – провел ладонью по своему лицу сверху вниз напарник, словно желая стереть сон или усталость или все разом.

– А, ну да! У Веры же брат есть! – вспомнил я. – И чем

он сейчас занимается?

– Да ничем... бухает...

– Да сколько ж он будет бухать? – задал я риторический вопрос. – А работа?

– Ну... он работает иногда, потом его выгоняют... потом не работает какое-то время, его теща кормит, поит и самогона наливает. Потом снова работает. В общем, бестолковый он этот Ванёк, ну его! – отмахнулся Сергей, встал и шагнул к чайнику. – Тебе наливать?

– Да, давай, – кивнул я. – А живет он где? Отдельно или с тещей?

– Да какой отдельно! – возмутился Сергей. – С ней он живет, с Веркиной матерью...

– Слушай, а отец-то где... его... ее?? – развел я руками, запутавшись в этом рассказе о родственном клубке Веры и взаимоотношениях внутри него.

– Да они давно уже развелись, отец Веркин тоже... – сунул Сергей себе под челюсть указательный палец и протянул мне кружку с чаем.

– Ааа! Ну, тогда ясно, отчего Ванёк такой, – кивнул я.

Я потянулся за сахаром и сгреб четыре куска. Сергей взял один.

– А теща самогон для него покупает что ли? – запутался я в непонятой сразу фразе.

– Да не, ну она гонит самогон сама!

– Для Ванька что ли?

– Ну... для Ванька, для себя... Я могу выпить рюмочку после работы...

– А че, она тоже что ли пьет!? – вытаращился я.

– Ну да... может и с Ваньком сесть и выпить за компанию...

– Нихуя себе! – все тарашился я, забыв про чай, через мгновение вспомнил, макнул кусок сахара уголком в чай и тут же надкусил его там же, сделал глоток.

– Просто теща, она как делает – чтоб Ванёк не шлялся где попало там по дачам весь день... – Сергей надкусил сахар за самый уголок и тоже отпил из кружки – ... она наливает ему стакан с утра... Ванёк выпивает и спать! И теща спокойно занимается своими делами.

– Бля... – замер я с открытым ртом и тающим там сахаром. – Пиздец какой-то! Я не могу этого понять! Сын бухает, нет, чтоб его закодировать или полечить от пьянства, она ему наоборот – подливает! Ахуеть! Мать называется!

– Ромыч, ну вот так люди живут! – вздохнул тяжело Сергей. – Видишь, ты этого не понимаешь, я этого не понимаю... А люди так живут... Теперь, ты понимаешь, какво мне там приходится. Это хорошо, я Верка́ еще оттуда забрать успел, а то бы и она...

Сергей взмахнул куском сахара, снова отгрыз от него крупички и запил глотком чая.

– Да уж... – нарисовал я в голове мрачную картину матери Веры – полуалкоголички, живущей со спивающимся сыном

и подливающей тому по утрам в стакан самогон. – Брррр!

Я вздрогнул, поежился. Сергей гоготнул, куснул и почмокал кубик сахара, громко отхлебнул из кружки, сказал: «Пошли лучше на склад сходим, посмотрим, че там!»

Мы вышли из офиса и едва оказались на дороге, ведущей вниз к складу, как увидели «газель» отца. Машина стояла у поворотного угла склада, тента над кузовом не было. Мы о чем-то говорили с Сергеем, но как по команде, смолкли. Мы с отцом все еще пребывали в напряженных отношениях. Отец винил меня в его уходе из фирмы. Я считал, что он сам наломал дров. В этой точке взаимного молчаливого упрека мы с ним и застряли.

– Что это Анатолий Васильевич тент снял? – буркнул Сергей.

– Не знаю, – так же негромко сказал я, наблюдая, как отец ковыряется в кабине в инструментах. – Мне сказал, что собирается будку делать на «газели» вместо тента...

– Товар что ли какой собрался возить? – сказал Сергей и опустил голову вниз, делая вид, что смотрит себе под ноги, сам же подсматривал за моим отцом исподлобья.

– Вроде сказал, что помидорами хочет заняться, ну, вообще, овощами, фруктами... – я тоже опустил взгляд себе под ноги, мы уже были метрах в десяти от «газели».

Отец нас заметил. Посмотрел внимательно, вынул сигарету изо рта, выпустил дым, вернул сигарету в рот и продолжил заниматься своими делами.

Расстояние сокращалось. Пять метров. Я глянул на отца украдкой. Он копался под рулем в кабине. Напряжение росло. Три метра. Все то же. Я почти физически ощутил, как напряжение сменилось противостоянием. Отец осознанно не шел на зрительный контакт. Метр. «Поздоровается или нет, посмотрит или нет?» – думал я, все поглядывая украдкой на отца. Тот продолжал свое занятие. «Один метр. Ну!?» – лихорадочно раздалось в моей голове, я бросил на отца взгляд в надежде, что тот встретит его. Отец не поднял головы. Мы с Сергеем миновали «газель» и свернули за угол. В душе тут же защемило, сжало и закрутило. «Как-то все это неправильно, так не должно быть, не хорошо, он же мой отец... чего он не смотрит на меня? Я что ему враг что ли? Пора бы уже давно самому все понять, что никто ему не виноват в том конфликте, кроме него самого! Он же хлопнул дверью и уехал! Его никто не выгонял. Да и не смог бы выгнать, была договоренность. Даже если они с Сергеем друг друга недолюбливают, все равно – никто бы отца не выгнал! Он сам все обосрал! Тупо сел в машину, сказал – я не буду с вами работать – и укатил! Зачем так было делать!? Ну, зачем!???» – скакали мысли в моей голове. Я силился понять, как могла случиться та нелепость, из-за которой отец болтается где попало, перебивается случайным заработками, считает меня чуть ли не врагом и не здоровается даже. Мне тут же стало еще и стыдно за свои мысли. Вдруг мелькнула догадка, что я себя оправдываю перед собой. Я тут же возразил себе, что,

нет, не оправдываю себя, а беспристрастно оцениваю ситуацию. Но чувство вины осталось и лишь выросло. И от демонстративного игнорирования отцом мне стало еще хуже. Я ощущал себя, чуть ли не предателем. «Ужас! Дожили!» Я сбился, запутался, завяз в мыслях. Тяжело выдохнул. Собрался с силами, вернулся в реальность. Мы с Сергеем были уже в складе. Все трое работников таскали коробки в кузов машины.

– Заканчиваете? – сказал Сергей, заглянув внутрь кузова под тент.

– Да, Сереж, уже почти все! – гаркнул Петя, тяжело с одышкой неся коробку.

Не дожидаясь ответа, Сергей пошел вглубь склада. Я же вернулся на улицу.

– Ну че, пошли в офис? – вынырнул из склада через пару минут следом Сергей.

– Пошли, – кивнул я вяло, собрался с силами – предстояло снова идти мимо отца.

Несколько шагов гнетущей тишины и отец вновь остался позади.

– А чего, Анатолий Васильевич решил заняться помидорами? – произнес Сергей, едва мы удалились от «газели» достаточно.

– Ну да, сейчас сезон, вроде, начинается, надо же зарабатывать и ему тоже. Мы-то работаем, а он так, получается, один без дела болтается...

– Да почему Анатолий Васильевич один? – глянул на меня озадаченно Сергей. – Он уже, получается, снова с нами. Мы же решили, вроде, что он займется этой химией... Я не против, ты тоже... Если Анатолий Васильевич думает, что я где-то там втайне против, то так ему и скажи, что я только за! Пусть развивает направление! Если ему мало процентов, то мы можем и увеличить! Да мы вообще можем себе оставлять минимум, чтобы только склад отбивать, а остальное он может все себе забирать!

– Да я и сам за, Серый, – развел руками я, ясно понимая, что толку в этом деле для отца не будет никакого, и он делал все верно, ведь даже самыми высокими процентами с непродávаемого товара сыт не будешь, жизнь требует реальных денег. – Но сам видишь, эти канистры почти не продаются. Один заказ и все. А остальные, вон, на складе пылятся.

– Ну и как нам с ними быть теперь, раз Анатолий Васильевич решил больше ими не заниматься? – ужесточился в тоне Сергей. – Сами будем, что ли продавать?

– Не, отец сказал, что постарается то, что на складе, продать... Хотя, надо признать, тема эта тухлая... Я думаю, надо остатки допродать и больше этим не заниматься...

Миновав трансформаторную будку, мы увидели у проходной вахтершу в очках. Та курила. Завидев нас, тетка вышла из меланхолии энергично кивнула и крикнула:

– Ром, Сереж, добрый день!

– Нормальный такой нам Анатолий Васильевич штырь

вставил, – произнес Сергей, взмахнул рукой и проткнул указательным пальцем воздух, словно гвоздем.

– Да не, Серый, ну какой штырь!?! – покачал головой я. – Это дело с самого начала было тухлое, это я отцу его предложил... Просто хотелось, чтоб он чем-нибудь занялся...

Я отмахнулся от пустой темы. Мы были уже у палисадника.

– Ну а если не продадим эти канистры, что будем делать? – притормозил Сергей и посмотрел на меня требовательно.

– Да ничего не будем делать, посуду ими мыть будем! – сказал я равнодушно. – По десять канистр каждому, как раз пару лет в магазин за моющими ходить не придется.

– Это, получается, мы по десятке просто так выкинули, да?

– Ну, во-первых, мы не выкинули деньги, товар на складе, надо его просто продать. Во-вторых, даже если и не продадим, мы можем использовать его дома в хозяйстве, все равно тратим на это деньги. И в-третьих, если прям ты так считаешь, что мы «выкинули по десятке», то я могу тебе отдать свою десятку из прибыли и тема будет закрыта! – закончил я слегка раздраженно, утомляясь нытьем Сергея. Вместо того чтобы думать, как решить ситуацию, он усиленно ковырялся в неудачной торговой операции в поисках виноватого.

Я закончил фразу как раз перед дверью здания. Сергей потянул ее на себя, зашел. Я следом. Ответа на свои умозаключения я не услышал.

Всю первую половину мая отец переоборудовал «газель». Уже в пятницу в обед он приехал к нашему складу со сваренным в кузове металлическим каркасом будущей будки. Мы по-прежнему не здоровались. Идиотская ситуация!

– Я всегда тебя поддерживал! Всегда! Потому, что меня так воспитали, что своих надо защищать, всегда быть на их стороне! Это с чужими можно поступать, как угодно, а своих предавать нельзя! – прорвало отца в субботу 6 мая, и он выдал мне все, что обо мне и том случае думал; отец метался по кухне и лил на меня поток накопившейся обиды. – А ты, наоборот! Побежал за своим Серёней как собачонка! Родного отца не поддержал!

– Во-первых, я не побежал ни за каким Серёней как собачонка, – сказал я спокойно, что стоило мне больших трудов, слова отца полоснули лезвием. – А, во-вторых, я тебя не предавал. Ты что, считаешь, что я тебя предал?

– Да, я так считаю! Ты метнулся к этому Сереже Лобову, который изворотливый и хитрый проходимец! Сережа этот без мыла кому хошь в жопу влезет! А ты не видишь этого! Он специально сделал так, чтобы я сорвался и уехал! Он не хотел, чтоб я развозил вам товар за пятнадцать тысяч, а сам потом взял Петю на эти же деньги!

– Па, я не защищаю Сергея...

– Нет, ты его защищаешь! Ты его постоянно защищаешь! А он только и делает, что по-мелкому гадит кругом! Сережа

твой – хитрый фрукт!

– Ну, он не мой... И я тебя не предавал...

– А что ж ты тогда не заступился за отца, когда Сережа там стоял и жилил каждую копейку!? Чего ты не подал голос!?! А!? Вот то-то и оно! Струсил! Поджал хвост!

Отец выдохся, перевел дыхание и уже спокойнее с разочарованием добавил:

– Ну лижи задницу своему Сереже! Он с тобой так же поступит! Вот посмотришь!

– Па, я задницу никому не лижу и не надо здесь этих вот слов, хорошо!? – старался не злиться я, но выходило плохо. Отец лил на меня гадости потоком. Было неприятно, но оправдываться не хотелось. Оправдываются виноватые. Я не ощущал себя таковым. Отец выставлял случившееся с совершенно гротескной стороны. Неужели он так это видел? Я собрался с духом и постарался снова рассказать отцу то, как я видел ситуацию:

– Па, я, даже если бы и захотел выступить в вашем споре на твоей стороне, я бы не смог. У нас же был уговор – в споре двух в нашей четверке с разных сторон родственники не лезут. Сергей, когда я выяснял с Верой размер ее заработной платы, не полез. Он сказал – я лицо заинтересованное, решайте сами! Было такое? Было. И я не полез, когда вы стали спорить о твоей зарплате. Да, Серый явно занизил сумму. Десять тысяч – это копейки, за них никто бы не стал работать, и ты не стал. И я бы не стал. Ну так надо отстаивать свою

позицию! Приводить какие-то аргументы! Взял бы и сказал ему – Сереж, давай так, ищи водителя со своей машиной на десять тысяч в месяц, а если не находишь, то я буду возить товар за пятнадцать или за столько, за сколько найдешь! Ну, можно же было так сказать!? Можно! И он никуда бы не делся! Покрутился бы и сел бы на жопу! И согласился бы тебе пятнадцать платить! И возил бы ты сейчас наш товар! Но ты ж сказал – я с вами работать не буду, ищите водителя, где хотите – хлопнул дверью и уехал! Ну так!? Так!

Отец стоял посреди кухни, молчал и слушал.

– Мы и остались там стоять с разинутыми ртами! Помню, Вера на меня посмотрела и сказала – а че это Анатолий Васильевич уехал, чего это с ним? А я плечами пожимаю, говорю – не знаю – потому, что сам офигел! И Серый стоит и тоже не понимает...

– Да Серый твой – понятно! – отмахнулся отец. – Этот тот еще артист! Он, какую хочешь, физиономию сделает!

– Да причем здесь Серый и его физиономия!? – снова завелся я. – Ты сам уехал! Не Серый тебя выгнал и не я и не Вера! Не уехал бы, никто бы тебя не смог выгнать! У нас уговор был – работаем вчетвером! И нашли бы и тебе место, не на «газели», так в офисе!

Отец не ответил, все стоял посреди кухни, хлопал глазами и смотрел на меня.

– Вот в чем дело! – я сделал паузу, чтоб до отца дошел смысл моих слов. – А не в том, что тебя кто-то там предал.

А ты виноватых ищешь... Сам же наворотил...

Отец молчал, моргал, открывал и закрывал рот, словно выброшенная на сушу рыба.

– А потом занимаешься извозом, перебиваешься случайными заработками... ну, я и подумал, может как-то тебе работу найти... с этой химией связались... я думал от нее толк будет... ты вроде согласился... потом отказался, ну ладно... я не против... Сережа этот мне начал уже предъявлять эти канистры – куда мы их накупили, зачем!?! Ладно, там копейки, продадим сами! Я не об этом! Я о том, что никто, кроме тебя не виноват в твоём уходе... Это было твоё решение... Да, Серый, вел себя по-жлобски! И я не знаю, почему он жал эти пять тыщ, если мы все равно взяли Петю на пятнашку! Мне это не понятно, как и тебе!

– Да он специально все сделал! Что тут непонятного!?! – произнес отец.

– Может, и специально, я не спорю, хотя не понимаю, зачем ему это! Ладно, пусть у вас с ним были трения, и вы друг друга не желали видеть... Дело не в этом! А в том, что ты ищешь виноватых! А их нет! Решение принял ты сам. И я сделал попытку вернуть тебя хоть как-то обратно, но ты снова сам ушел... Ну... при чем тут мы... я... Сергей... Вера?

– Не хочу я с вами работать, – вдруг по-простому произнес отец, и весь пар нашего диалога, находившийся под давлением взаимных претензий, стравился вмиг.

– Ну вот видишь... – выдохнул облегченно я, почувство-

вал тут же опустошенность и усталость. До того устал, что голова заболела. Я встал и вышел из кухни.